
РИЯ
ТРЕЙ
ИСКУШЕНИЕ МАЙОРА
Без права
НА ЛЮБОВЬ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ОПАСНАЯ СТРАСТЬ

Рия Трей

Искушение майора. Без права на любовь

«Автор»
2026

Трей Р.

Искушение майора. Без права на любовь / Р. Трей — «Автор», 2026

— Это ошибка, — голос Игоря звучал хрипло. — Недопустимая. Я не имею права— Почему? Из-за того, что я ваша свидетельница? Или потому что я обуза?— Потому что я отвечаю за тебя! — рявкнул он, впервые повысив на меня голос. — Моя работа — защищать тебя, а не пользоваться твоей уязвимостью! Ты напугана и одинока, но это не то, что тебе сейчас нужно. — А откуда ты знаешь, что мне действительно нужно?!Из-за чужого письма я оказалась в руках опасного бандита. Меня спас майор Игорь Орловский, но его враг поклялся вернуть меня. Теперь мы с майором в бегах, и наше вынужденное уединение разжигает между нами нечто большее, чем просто дружба. Сможем ли мы противостоять страсти, вспыхнувшей в этих опасных обстоятельствах? И как доказать этому непробиваемому вояке, что и у него есть право на любовь?

© Трей Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава первая 7
Глава вторая 9
Глава третья 12
Глава четвёртая 15
Глава пятая 18
Глава шестая 20
Глава седьмая 22
Глава восьмая 25
Глава девятая 27
Глава десятая 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Рия Трей
Искушение майора. Без права на любовь

Пролог

— Шурши колготками поживее, красотка, — подталкивал меня в спину бугай из охраны.

— Что вы так толкаетесь? Мне же только письмо отдать, — испуганно пискнула я, спотыкаясь о слишком глубокий ворс ковра.

Шкафоподобный не дал мне упасть, больно схватив за предплечье. Я зашипела от неприятных ощущений, но молодчик только придал моему телу вертикальное положение и снова толкнул в спину.

— Топай. Сейчас шеф разберётся, что там за письмо и что ты там отдашь, — заржал бугай.

От смеха мордоворота по телу поползли неприятные липкие мурашки страха.

Наконец, он остановился у двери из тёмного дерева в конце коридора, постучал и, услышав негромкое «Войдите», открыл её передо мной.

Кабинет был огромным. Панорамное окно во всю стену открывало вид на освещённый мост и реку. Но самое сильное впечатление производил не вид, а человек, сидевший за массивным столом. Виктор Хромов. Хром.

Он был старше, чем я представляла, лет сорока, сорока пяти. Тёмные волосы с проседью, коротко стриженные. Лицо с резкими, словно высеченными из камня чертами. Но больше всего поражали глаза — холодные, пронзительные, цвета старого льда.

Виктор не смотрел на меня, он изучал, сканировал. И в этом взгляде не было ничего человеческого. Он читал какую-то бумагу, и я заметила, как он слегка привстаёт, опираясь на стол.

Он медленно поднял на меня взгляд.

— Подойди.

Я заставила ноги двигаться, подошла к столу и протянула конверт.

— Мне велели передать вам. Лично. От Александра Ниверова.

Бандит взял конверт, его пальцы, длинные и узловатые, на мгновение коснулись моих. От секундного прикосновения по рукам тут же побежали мурашки — не от страха, а от какого-то животного, первобытного ужаса. Он молча вскрыл конверт и начал читать.

Я стояла, чувствуя себя нелепо, пытаясь отыскать в себе крупицу храбрости, чтобы просто повернуться и уйти. Но что-то удерживало меня на месте. Какая-то необъяснимая гнетущая сила.

Хром дочитал. Медленно вытащил из конверта ещё один лист плотного картона, похожего на фотокарточку. Посмотрел на него, затем на меня. Неприятно хмыкнул и отложил конверт с карточкой в сторону.

Хром снова посмотрел на меня. И в его ледяных глазах что-то вспыхнуло. Что-то тёмное и властное.

— Так ты Ксюша? — его голос был тихим, но в тишине кабинета он прозвучал как выстрел.

Ледяной ужас сковал меня.

— Нет…, — сглотнула я резко подступивший к горлу ком. — Я не Ксюша. Я Алиса. Я просто принесла письмо от Александра. Ксюша меня попросила. Мы подруги…

Я осеклась под ледяным взглядом Хрома. Он усмехнулся. Неприятная, сухая усмешка.

— Мило. Играешь в невинность, — он пару раз демонстративно хлопнул в ладоши. — Но договор есть договор. Твой брат, этот ничтожный червяк, продал тебя. За свои долги. Ты теперь моя собственность, Ксюша.

Виктор поднялся из-за стола. Он обошёл стол, приближаясь ко мне. Слух о его хромоте, подтвердился. Но это не делало его уязвимым. Напротив, это придавало его фигуре некоего хищного, но оттого не менее опасного изящества. У него была тяжёлая, уверенная поступь матёрого волка.

Я отступила на шаг, наткнувшись спиной на кресло для гостей.

— Вы не понимаете! Это ошибка! Я не она! Я Алиса! Я просто подруга! Сокурсница! — слова вырывались сбивчиво, панически.

Но Хромов был уже рядом.

Глава первая

Я ворвалась в комнату общежития, чтобы быстро переодеться и бежать на работу в кофейню.

Скинув с себя промокшую насквозь куртку, я швырнула ее на вешалку и потянулась к шкафу. Проклятый ливень! Я всегда забываю зонт именно тогда, когда он жизненно необходим.

Сегодня как раз такой день: пары в училище вымотали до предела, а впереди еще шестичасовая смена в кофейне. Нужно успеть переодеться, высушить волосы и хоть немного прийти в себя.

Окинула себя беглым взглядом в зеркале на дверце шкафа. На меня смотрела девушка с большими, голубыми глазами, с бледным, почти прозрачным лицом, по которому струились мокрые пряди светлых волос. Я выглядела как промокшая курица.

И только сейчас заметила, что подруга, с которой мы делили эту небольшую комнату лежит лицом к стене и её плечи вздрагивают.

— Ксюш, ты чего? — с тревогой спросила я, опускаясь на край кровати сокурсницы.

— Ничего, — всхлипнула Ксюша, не поворачиваясь ко мне. — Ты пришла переодеться, вот и иди по своим делам.

— Что-то случилось? — не отставала я, бросая взгляд на экран старенького смартфона.

Лекции в медицинском колледже закончились час назад, но меня задержал преподаватель и теперь времени на переодевание и дорогу до кофейни, в которой я работала оставалось совсем не много.

— Колись давай, что случилось, — вздохнула я, понимая, что если сейчас уйду, Ксюша обидится. — Опять Сашка набедокурил?

Старший брат Ксюши был вечной проблемой. Талантливый дизайнер, но с ужасной тягой к азартным играм и «быстрым» деньгам.

— Он вляпался. Снова, — всхлипнула Ксюша, сглатывая ком в горле. — Влез в долги. И не просто в долги…

Подруга уткнулась лицом в подушку и разрыдалась.

— Ксюш, я могу чем-то помочь? — встревоженно спросила я.

— Он… он должен… одному бандиту. Очень серьезную сумму. И сегодня последний день, чтобы рассчитаться, — сдавленно произнесла Ксюша, судорожно втягивая в себя воздух.

У меня защемило сердце. Я знала их историю. Родителей не стало, и Ксюша, как могла, пыталась оградить старшего брата от него же самого.

— Скажи, чем я могу помочь? У меня только что стипендия пришла, могу одолжить…, — быстро предложила я.

— Нет! — резко качнула головой Ксюша. — Денег уже не надо. Все решено. Сашка… он нашел выход. Он договорился. Но этому человеку нужно отвезти подтверждение. Письмо. А я… я не могу. Я не могу отказаться от работы сиделкой сегодня. Ты же знаешь, как нам нужны деньги.

— Понимаю, — нахмурилась я.

— Алис, ты же работаешь почти рядом с клубом, «Энигма». Просто заскочи после смены в кофейне. Там же всего две остановки, — умоляюще вцепилась в мою руку Ксюша. — Спросишь Виктора Хромова, скажешь от Александра Ниверова. Отдашь конверт и уйдёшь.

От одного только произнесённого имени по спине бежали мурашки. Все в нашем районе знали, кто такой Виктор Хромов. Он был не просто владельцем самого модного клуба в городе, он был легендой, а вернее — антилегендой.

Бандит с криминальным прошлым, от которого даже матерые авторитеты предпочитали держаться подальше. Его боялись, но в его заведениях стремились оказаться, потому что это было синонимом статуса, опасной близости к настоящей власти.

А я была никем. Алиса, девятнадцати лет от роду, студентка второго курса медицинского колледжа, которая в перерывах между лекциями об анатомии и фармакологии варила латте и капучино в маленькой, уютной кофейне «У моста».

Мой мир состоял из учебников, аромата свежесмолотых зерен и усталой, но приятной боли в ногах после смены.

Мир Хромова был другим — темным, пахнущим дорогими сигарами, большими деньгами и кровью.

Подруга достала из-под подушки конверт и протянула мне.

— Ксюш, а чего ты сама не отнесёшь? — насторожено спросила я, не торопясь взять конверт в свои руки.

— Я… мне… У меня после обеда назначено к подопечному. Там на сутки просили, — глаза Ксюши забегали из стороны в сторону. — Сама понимаешь, лежачий больной. Капельницы, уколы, таблетки. Помыть, покормить…

Ксюша произнесла это с такой горечью, что мне стало холодно. Подруга сунула мне в руки плотный кремовый конверт без адресата. Только одна буква «Х» была выведена на лицевой стороне черными чернилами. Бумага была неприятно гладкой, дорогой.

— Отнести конверт? — глупо хлопнула я глазами.

— Алис, отнеси ему, пожалуйста. Ты просто отдашь письмо и уйдешь. Он даже не посмотрит на тебя. Он… он не заметит тебя, — быстро заговорила подруга, пока я была сбита с толку. — Просто передашь послание от Сашки и всё. Виктор ждет это письмо. Если его не будет… Сашке конец. И мне, наверное, тоже.

Она смотрела на меня умоляюще. Глаза — два испуганных озера. Я держала в руках чужую судьбу, ощущая тяжесть конверта, будто он был из свинца.

Было столько красных флагов, что они сливались в один сплошной алый ковер. Но это была Ксюша. Моя подруга, которая ночами сидела со мной над учебниками по фармакологии, которая делилась последней шоколадкой и которая плакала у меня на плече, когда ее бросал очередной парень.

— Ладно, — выдохнула я, засовывая конверт в свой потертый рюкзак. — Я схожу. Но только отдам и сразу уйду.

— Спасибо! — бросилась меня обнимать Ксюша, и я почувствовала, как ее тело дрожит. — Ты спасла нас. Правда. Ну я побежала тогда к больному.

Подруга живо слетела с кровати, вытерла лицо у зеркала. Как-то виновато улыбнулась и схватив из-под кровати довольно объёмную сумку ретировалась из комнаты.

Проводив подругу взглядом, я почувствовала тревожный холодок под ложечкой. Что-то было не так. Слишком отчаянной была ее паника. Слишком безнадежным — ее взгляд.

Глава вторая

Дождь за окном трамвая стучал по крыше, словно торопливые пальцы, выбивающие тревожную дробь. Я смотрела на расплывающиеся огни ночного города и пыталась отогнать назойливое чувство беспокойства.

В кармане я сжимала конверт, адресованный Виктору Хромову. Простое поручение подруги. Казалось бы, что тут такого? Отнести письмо.

Но внутри неприятно скреблось беспокойство. Сердце гулко стучало в ушах.

Я попыталась отвлечься. Вспомнила, что сегодня снова заходил он. Высокий, статный, с военной выправкой мужчина лет тридцати-тридцати пяти. Светлый ёжик волос, тёмные брови и невероятно пронзительные стального цвета глаза. Я даже едва не пролила молоко, которое собиралась заправить в кофемашину.

— А ты ему нравишься, — шепнула мне коллега, когда за широкоплечим незнакомцем закрылась дверь.

— Да ну, брось ты, — фыркнула я в ответ. — Он просто заходит за кофе. И он слишком взрослый, нужна ему такая писюха, как я.

Но при этом щёки мгновенно опалило жаром смущения. Я резко отвернулась и принялась вытирать запотевший аппарат.

— Он уже две недели заходит каждый день, как часы, — хихикнула Надя и хитро мне подмигнула. — И таращится на тебя. Буквально глазами пожирает. Всё делает вид, что выпечку выбирает, но почти никогда ничего не берёт, только два стаканчика кофе. А когда не твоя смена, он быстро забирает кофе и уходит.

— Выдумщица, — отмахнулась я и почувствовала, как в груди разливается странное тепло. — Нужна я ему как собаке пятая нога.

Трамвай звеняще заскрежетал, подъезжая к моей остановке, вырвав меня из воспоминаний. Я судорожно ухватилась за поручень, и сладкое тепло, на мгновение согревшее изнутри, сменилось леденящим предчувствием.

«Энигма» была всего в двух остановках от моей уютной кофейни, но это расстояние ощущалось как путешествие в другой, враждебный мир.

Я ещё раз ощупала конверт в кармане и, подняв воротник лёгкого пальто, выскочила на промозглую, залитую неоном улицу.

Дождь тут же принялся за своё, пытаясь промочить меня насквозь, оставляя после себя влажный, холодный блеск на асфальте и ощущение липкой сырости, проникающей под одежду. Я ускорила шаг, направляясь к сияющей неоновой вывеске самого пафосного заведения в городе. Она пульсировала в ночи, как гигантское сердце какого-то хищного зверя.

И вот он, клуб «Энигма». Не просто здание, а монолит из чёрного стекла и полированного металла, возвышающийся над остальными постройками, словно надменный страж. Свет от огромных, стилизованных под древние шрифты вывесок, отражался в лужах, разбиваясь на тысячи тревожных бликов.

Снаружи царила показная, агрессивная роскошь. У входа, за бархатными ограждениями, толпилась нарядная, громкая молодёжь. Девицы в миниатюрных платьях, не обращающие внимания на холод, и ухоженные юноши с безучастными взглядами.

Они смеялись, пили шампанское из пластиковых бокалов, ожидая, когда же врата рая распахнутся именно для них. Но за этим шиком, как мне показалось, сквозил холодок отчаяния и тщеславия.

Я же чувствовала себя серой мышкой, затерявшейся в стае павлинов. Старое пальтишко, потёртые джинсы, рюкзак за плечом — я была тут чужая. Сделав глубокий вдох, я попыталась

проскользнуть вдоль толпы, надеясь найти какой-то служебный вход, но меня заметили мгновенно.

Двое мужчин в идеально сидящих чёрных костюмах, с щеками боксёров и глазами бульдогов, бесшумно отделились от стены и преградили мне путь.

— Тебе куда, девочка? — прозвучал спокойный, но не допускающий возражений голос.

Взгляд охранника скользнул по мне с ног до головы, оценивая, вычисляя угрозу в моей беззащитной фигуре.

— Мне… Мне к Виктору Хромову, — выдавила я, ненавидя дрожь в собственном голосе. — У меня для него письмо.

Голос прозвучал тише и выше, чем мне бы хотелось. Сердце застучало где-то в висках, учащённо и громко. Хотелось скорее отдать злополучный конверт и вернуться к своей знакомой и простой жизни.

— Тебе назначена встреча? — голос охранника был глухим и низким.

— Нет. Мне передать кое-что. Лично в руки, — постаралась говорить твёрже я и показала конверт. — От Александра Ниверова.

Имя подействовало, как пароль. Мордовороты переглянулись. Второй что-то неразборчиво пробормотал в микрофон на рукаве. Через мгновение ему что-то ответили. Он коротко кивнул своему коллеге.

— Проводим.

Меня взяли в плотное кольцо и повели, минуя основную толпу. Запах дорогих духов, дорогого табака и возбуждения ударил в нос, когда мы вошли внутрь.

«Энигма» оказалась чудовищем из звука и света. Грохочущий бас бил прямо в грудь, заставляя вибрировать внутренности, а лазеры, разрезающие клубы искусственного дыма, слепили глаза. Тела танцующих сливались в единую, пульсирующую массу.

Это был храм, где поклонялись идолам веселья и забвения.

Но мы не задерживались. Мои провожатые уверенно вели меня через этот хаос к неприметной двери в глубине зала. Один из них приложил карту-ключ к считывателю, дверь бесшумно отъехала, и нас поглотила внезапно наступившая тишина.

Шум клуба остался где-то далеко, словно его и не было. Мы двигались по длинному, слабоосвещённому коридору. Стены были обиты тёмным, ворсистым материалом, который поглощал звук. Воздух стал другим — стерильным, холодным, пахнущим дорогой кожей и средством для полировки металла. По бокам тянулись такие же глухие двери. Атмосфера давила, вызывая нарастающее чувство клаустрофобии. Казалось, эти стены сейчас сомкнутся и раздавят меня. Здесь не было показной роскоши — здесь была настоящая, голая власть. И опасность.

Охранники шли молча. Их тяжёлые шаги глухо отдавались в тишине. Я чувствовала, как сердце колотится где-то в горле, а ладони стали ледяными и влажными. Я сжимала ремень рюкзака, чувствуя тяжесть конверта в кармане пальто, как гирю на своей совести.

Наконец, мы остановились у очередной неприметной двери в конце коридора. Снова ключ-карта. Раздался щелчок, и массивная, тёмная дверь, отделанная деревом, беззвучно приоткрылась.

— Проходи. Справа лифт. Третий этаж. Тебя встретят, — бросил квадратный, жестом указывая внутрь.

Глотнув воздуха, будто собираясь нырнуть в воду, я переступила порог. Сердце забилось с такой силой, что, казалось, его стук отдаётся в стенах прихожей. Лифт был зеркальным, и я увидела своё бледное, испуганное отражение.

Капли дождя блестели на светлых, растрёпанных волосах. Я выглядела как перепуганный ребёнок, заблудившийся в чаще леса. Потянулась дрожащими пальцами к кнопке.

«Всё хорошо, — прошептала про себя. — Отдашь конверт и уйдёшь».

Но внутренний голос, тот самый, что шептал о тревоге ещё в трамвае, теперь кричал. Он кричал, что ничего хорошего не будет.

Глава третья

Лифт плавно поднялся, и двери разъехались с тихим шипением. Меня ждал еще один человек — буквально брат-близнец тех, кто остался внизу. Без слов он жестом пригласил выйти из лифта. Мы пошли по длинному, слабо освещенному коридору с мягким ковром, заглушавшим шаги. Воздух был густым, пахло кожей, древесиной и чем-то еще, неуловимо дорогим и чуждым.

— Шурши колготками побыстрее, красотка, — подталкивал меня в спину бугай из охраны.

— Что вы так толкаетесь? Мне же только письмо отдать, — испуганно пискнула я, спотыкаясь о слишком глубокий ворс ковра.

Шкафоподобный не дал мне упасть, больно схватив за предплечье. Я зашипела от неприятных ощущений, но молодчик только придал моему телу вертикальное положение и снова толкнул в спину.

— Топай. Сейчас шеф разберётся, что там за письмо и что ты там отдашь, — заржал бугай.

От смеха мордоворота по телу поползли неприятные липкие мурашки страха.

Охранник, пахнущий дешевым одеколоном и дорогим стейком, грубо постучал в массивную дверь из темного дерева в конце коридора.

— Войдите, — раздался из-за нее низкий, спокойный голос.

Дверь открылась, и меня втолкнули внутрь. Кабинет был огромным, выполненным в стиле лофт: кирпичная кладка, панорамное окно с видом на ночной город, минималистичная мебель. Воздух был густым и сладким от аромата сигары, потухшим огрызком лежащей в хрустальной пепельнице.

За массивным столом из черного дерева сидел мужчина. Виктор Хромов. Хром.

Он был старше, чем я представляла, лет сорока, сорока пяти. Высокий, худощавый, в идеально сидящем темно-сером костюме. Тёмные волосы с проседью, коротко стриженные. Лицо с резкими, словно высеченными из камня чертами. Но больше всего поражали глаза — холодные, пронзительные, цвета старого льда.

Виктор не сразу посмотрел на меня, заканчивая что-то писать в блокноте. Я замерла у порога, чувствуя себя полной идиоткой в своем поношенном пальто, старых джинсах и простой белой футболке.

Хромов медленно поднял на меня взгляд. И в глазах бандита не было ничего человеческого. Виктор не смотрел на меня, он изучал, сканировал. Дотронулся до приборной панели, вмонтированной в стол.

Легкий щелчок дверного замка прозвучал слишком отчётливо с тишине кабинета. Меня накрыла волной удушающей паники. Сердце провалилось вниз и заухало в ушах слишком быстро разнося кровь по организму.

Я, поддавшись животному ужасу, взорвавшему мозг за секунду, рванулась к ручке, дернула ее. Но железная скоба не поддалась, наглухо отсекая меня от внешнего мира, от спасения. От той жизни, где я была просто Алисой, студенткой и бариста, а не добычей, загнанной в роскошную ловушку.

— Подойди, — голос звучал настолько холодно, что мне послышался хруст льда под ногами.

Его голос, низкий и властный, плетью ударил по спине. Я медленно, будто через густую смолу, развернулась, прислонившись спиной к холодной деревянной панели.

Виктор Хромов все так же сидел за столом, но теперь его поза была позой хищника, уверенного в своем превосходстве.

— Я сказал, подойди, — повторил Хромов с тем же ледяным спокойствием. — Что у тебя там?

Я заставила ноги двигаться, подошла к столу и протянула конверт.

— Мне велели передать вам. Лично. От Александра Ниверова, — пыталась говорить спокойно, но голос предательски сорвался.

Бандит ещё раз окинул меня взглядом с ног до головы и взял конверт. Пальцы Хрома, длинные и узловатые, на мгновение коснулись моих. От секундного прикосновения по рукам тут же побежали мурашки — не просто от страха, а от какого-то животного, первобытного ужаса.

Хромов заметил моё движение и уголки его губ дрогнули в страшной, ледяной ухмылке.

Виктор молча вскрыл конверт, достал оттуда два листка бумаги и начал читать. Я стояла, чувствуя себя нелепо, пытаясь отыскать в себе крупицу храбрости, но внутри всё сильнее скреблось чувство опасности. В горле застрял комок паники, мешая дышать.

Хром читал недолго. Сначала его лицо оставалось непроницаемым, затем в уголках губ заплелась тонкая, холодная усмешка. Он медленно достал из конверта фотографию. Его взгляд, тяжелый и оценивающий, снова упал на меня. В этих глазах-осколках льда что-то щелкнуло, включилось.

— Так ты Ксюша? — его голос был тихим, но в гробовой тишине кабинета прозвучал как удар грома.

Ледяной ужас сковал горло.

— Нет… — голос срывался, переходя на визгливый, панический шепот. — Я не Ксюша. Я Алиса. Я просто принесла письмо. Мы с Ксюшей подруги…

Я осеклась, увидев, как взгляд Виктора стал абсолютно пустым, будто он не просто не слышал, а вычеркнул мои слова как не имеющие значения. Хромов усмехнулся. Сухо, беззвучно.

— Мило. Играешь в невинность, — он пару раз демонстративно, негромко хлопнул в ладоши. — Браво. Но договор есть договор. Твой брат, этот ничтожный червяк, продал тебя. За свои долги. Ты теперь моя собственность, Ксюша.

Виктор поднялся из-за стола. Медленно. Вальяжно.

У него была тяжёлая, уверенная поступь матёрого волка, несмотря на легкую хромоту. Он приближался, и с каждым его шагом воздух в кабинете становился гуще, тяжелее. Запах его дорогого парфюма ударил в голову, вызывая легкое головокружение.

Я отступила на шаг, наткнувшись спиной на кресло для гостей.

— Вы не понимаете! Это ошибка! Я не Ксюша! Я Алиса! Я просто подруга! Сокурсница! — слова вырывались сбивчиво, панически.

Но Хромов был уже рядом. Его дыхание пахло коньяком и мятой.

— Хочешь сказать, что мои глаза меня обманывают, девочка? — он усмехнулся, остановившись в паре шагов от меня.

Его ледяной взгляд скользнул по моему лицу, опустился на воротник пальто, на дрожащие руки, сжатые в кулаки.

— Но я не она, — прошептала я, севшим враз голосом. — Я Алиса Голубева. Мы с Ксюшей учимся вместе. Она попросила меня отдать письмо. Вы должны мне поверить!

— Должен? — прошипел он мне в ухо, наклонившись. — Я никому ничего не должен. А особенно лживым девочкам, которые пытаются вывернуться из договора.

Горячее дыхание обожгло кожу, заставляя сердце трепетать от ужаса. По позвоночнику пролетела ледяная волна колючих мурашек.

— Я правда Алиса Голубева, — дрожащим голосом пискнула я, чувствуя подступающие к глазам слёзы.

— Значит это не ты? — Хромов с язвительной насмешкой в уголках губ жестом фокусника ткнул мне в нос фотографию.

От неожиданности я зажмурилась, отшатнувшись и больно приложившись затылком о стену. А когда открыла глаза, увидела во взгляде Виктора интерес, смешанный с насмешкой. И удовлетворение от впечатления, которое производил на меня. Он упивался моим страхом.

Хромов небрежно бросил карточку на стол и я мельком увидела лицо.

Воздух застрял в легких и перед глазами всё поплыло. Нет. Этого не может быть!

Глава четвёртая

Внутри всё оборвалось. Пол ушёл из-под ног. Нет. Этого не может быть. Неверяще смотрела на фотографию, лежавшую на столе.

Моя фотография из соцсетей. Та, где я улыбаюсь в кофейне.

Ксюша…

Она же умоляла меня. Она знала? Или это Сашка заставил её сделать это? Подсунуть Хромову мою фотографию.

Неважно. Важно было то, что этот человек считал меня Ксюшей.

Это была не просто ошибка, это была ловушка, и я в неё пришла собственными ногами.

Ксюша.

Подруга.

Предала.

В ушах зазвенело от осознания всей глубины этого предательства.

— Это… это моя фотография, но я не Ксюша… это ошибка… — залепетала я, судорожно ища пути спасения.

Я попыталась отступить, но он был быстрее. Рука Виктора, сильная и тяжёлая, схватила меня за запястье. Боль пронзила руку.

— Довольно, — его голос прозвучал как удар хлыста. — Игра в невинность окончена. Твой брат не просто продал тебя за долги. Он влез не в те деньги. Мои деньги. А за это нужно платить. Всеми доступными способами.

— Но я не Ксюша, — сипло выдавила я.

Запах одеколона Хрома, сигары и чего-то опасного, животного, ударили в нос. Мир сузился до ледяных глаз бандита и стука собственного сердца, готового вырваться из груди.

Виктор протянул руку, и его пальцы вцепились мне в подбородок, грубо приподняв моё лицо.

— Довольно мило. Наивно. Брат обещал, что ты будешь строптивой, — его пальцы скользнули выше, к виску, отодвигая мокрую прядь волос. — Мне это нравится. Сломленный характер куда ценнее покорности. А у тебя, Ксюша, способности… весьма располагающие.

Рука Виктора опустилась на мою шею. Прикосновение было холодным, почти металлическим. Большой палец провёл по линии ключицы, заставив меня вздрогнуть и вжаться в стену. Это было мерзко, унизительно. Это был не жест насилия, а жест собственника, осматривающего свой новый актив.

— Отпустите меня, — попыталась я вырваться, но его хватка была как стальные тиски.

Он засмеялся, коротко и мрачно. Свободная рука бандита обвила мою талию, прижав меня к нему так близко, что я почувствовала жёсткую ткань его пиджака и мускулистое тело под ней. Лицо Хрома исказилось в подобии ухмылки.

— Нет, милая. Сделка есть сделка. Ты теперь моя игрушка. И я сейчас получу первый аванс.

Я зажмурилась, пытаясь отключиться, сбежать в себя. Это был кошмар. Самый страшный кошмар наяву.

— Не трогайте меня, — прошептала я, но это прозвучало как жалкий лепет.

Во рту пересохло, в глазах потемнело. Тело парализовал ужас. Я стояла как кролик перед удавом на подгибающихся ногах. Это был не просто испуг, это было осознание абсолютной беззащитности.

— А я и не тороплюсь, — наклонился ближе ко мне Хром и его дыхание обожгло щеку. — У нас много времени. Вся ночь. И много ночей потом. Ты привыкнешь к моим прикосновениям. Более того, ты будешь просить о них.

Виктор притянул меня к себе, стиснув так, что у меня перехватило дыхание. Я упиралась ладонями в его грудь, пытаясь отодвинуться.

— Нет… пожалуйста… — слёзы выступили на глазах, застилая роскошный кабинет мокрым туманом.

Я с силой толкнула Хромова в грудь, но это было как толкать скалу. Он лишь усмехнулся, и в его глазах вспыхнул опасный, заинтересованный огонёк. Моё сопротивление его забавляло. Разжигал аппетит.

— «Пожалуйста» что? — он насмешливо склонил голову набок. — Пожалуйста, продолжать?

— У меня… Я никогда…, — зарыдала я, чувствуя полную безысходность.

Слёзы сами собой полились из глаз. Судорожно втягивала в себя воздух, продолжая просить отпустить. Но Хромову было плевать на мои стенания.

— О, так ты ещё и целка, милая, — довольно прицокнул Виктор и растянул губы в хищном оскале. — Пожалуй, за это твоему брату можно сразу списать половину долга.

Его губы грубо прижались к моей коже где-то между шеей и ключицей. Я закричала, отчаянно, безумно, пытаясь оттолкнуть его, но он был невероятно силён.

Виктор одним движением развернул меня и толкнул к столу. Край столешницы больно врезался мне в бёдра. С оглушительным грохотом всё полетело с поверхности на пол.

— Нет! Прекратите! Помогите! — я билась, рыдая, чувствуя, как его руки задирают мой свитер, как шершавые пальцы впиваются в оголённую кожу живота.

Мир сузился до этого кабинета, до запаха его одеколона, до боли и всепоглощающего ужаса. Я закрыла глаза, чувствуя, как тону в чёрной, липкой безысходности. Это был конец.

— Дерзкая. Люблю таких, — он навалился на меня всем телом, и его губы почти коснулись моей шеи.

Дыхание перехватило. Я зажмурилась, готовясь к худшему, пытаясь уйти в себя, в воспоминания о запахе свежемолотого кофе, о тепле солнечного света…

И в этот самый момент, когда рука бандита потянулась к застёжке моих джинсов, снаружи, где-то внизу, раздался оглушительный хлопок. Похожий на вылетевшую пробку от шампанского, но слишком резкий, слишком громкий.

Хром замер. Его тело напряглось. Затем последовал второй хлопок, третий, и тут же мир за стеклом кабинета взорвался огнями вспышек. Послышались новые глухие, тяжёлые взрывы. И сразу, как сухой, беспощадный град, застрочили автоматы.

Виктор отшатнулся от меня, одним движением выхватив из ящика стола тяжёлый, чёрный пистолет. Испуг в глазах Хрома сменился яростью.

— Царёв… — прошипел он с ненавистью, в которой был и страх.

Я прижалась к стене, пытаясь стать меньше, невидимкой. Может, они его заберут и не заметят меня? Может…

Но взгляд Хромова, раскалённый ненавистью, снова нашёл меня. В нём не было уже никакого сладострастия, только неприкрытая, хищная решимость.

— Иди сюда! — он рванулся ко мне.

Я попыталась отбиться, но Виктор был сильнее и быстрее.

Послышались крики, ещё выстрелы, прямо в коридоре. Затем дверь в кабинет с грохотом слетела с петель. Воздух наполнился едким запахом дыма и пороха.

В проёме, в клубах пыли и дыма, возникла высокая, мощная фигура в чёрной тактической форме.

В руках ворвавшегося был автомат, а взгляд из-под забрала шлема был острым, как лезвие. Следом за ним кабинет заполнили ещё силуэты в чёрном и с оружием наперевес.

— Работает спецназ! Руки за голову! На пол! — прогремел его голос, заполнив собой всё пространство. — Виктор Хромов, вы задержаны.

Но Хромов не растерялся. С рычанием, полным ярости, он схватил меня за волосы, больно дёрнул, заставляя выгнуться, и прижал к себе спиной, используя как живой щит. Время замедлилось. Прежде чем я успела что-либо понять, он резко развернулся, и его согнутая в локте рука, сильная и неумолимая, обхватила мою шею. Холодный металл дула пистолета упёрся мне в висок. Дыхание бандита было горячим и учащённым.

Я замерла, не в силах издать ни звука. Боль и страх парализовали волю. Сталь впивалась в висок, предплечье Хрома душило меня, перекрывая воздух.

— Назад! — проревел Виктор у меня над ухом. — Или я снесу ей башку!

Глава пятая

Сквозь пелену слёз я видела только фигуру в дверном проёме. Мужчину со стальными глазами. Он стоял неподвижно. Автомат у него в руках был направлен на нас, но он не стрелял. Его взгляд был суровым и сосредоточенным.

— Майор Орловский, всегда ты вовремя, как дерьмо в унитазе, — хрипло рассмеялся Хром. — Но на этот раз я припас козырь.

Я смотрела на того, кто ворвался в кабинет. На майора спецназа. Его взгляд, стальной и безжалостный, встретился с моим. И в этой секунде, в этом аду, мне показалось, что я уже видела эти глаза.

— Отпусти девушку, Хром, — сказал майор, низким и невероятно спокойным голосом, как гладь озера перед бурей. — Тебе это не поможет.

— Поможет, не поможет — посмотрим, — огрызнулся Хром и начал пятиться за стол, таща меня за собой. — А ты, майор, останешься с носом. И с трупом на совести.

Виктор тащил меня к стене. Я, задыхаясь, пыталась хоть как-то дышать, цепляясь пальцами за руку бандита. Глазами я умоляла того, кого он назвал Орловским: «Спасите меня. Пожалуйста».

Майор сделал едва заметный знак своим людям. Они не двигались с места, но напряжение в комнате возросло. Орловский шагнул вперёд.

— Последний шанс, Хром. Отпусти её.

— Иди к чёрту, — бросил Хром и провалился в потайную дверь.

Я услышала крик майора:

— Стой!

Но было поздно. Хром втянул меня в проход. Дверь захлопнулась, и мы понеслись по тёмному, узкому коридору, оставив позади шум боя и единственный луч надежды в лице человека с глазами цвета грозового неба.

Следующие несколько минут стали для меня сплошным кошмаром. Он тащил меня по узким, тёмным лестницам, вверх. Я спотыкалась, он рывком поднимал меня, не отпуская ни на секунду. В груди разливалось жжение. Дыхание бандита за спиной было хриплым.

— Шевели булками, красотуля, — зло выдохнул Виктор, подталкивая меня в спину дулом пистолета.

Снизу доносились крики: «Штурм!», резкие, отрывистые команды, шаги преследователей. Но Хромов знал здание как свои пять пальцев.

Мы поднялись на очередную лестничную клетку, и тут из облака дыма внизу, словно призрак, возникла высокая, мощная фигура в чёрной тактической форме. Лица не было видно за противогазом, но осанка, властная поза кричала о силе и контроле.

— Стоять! Отпусти заложницу! — голос Орловского, низкий и стальной, резанул по слуху, перекрывая грохот.

В руках майора безразлично блестел автомат. Хром, не останавливаясь, резко развернулся, продолжая тащить меня за собой, отступая наверх, к выходу на крышу.

Виктор что-то кричал в ответ, но я уже не слышала. Весь мир превратился в грохот, дым, стальные руки, впившиеся в меня, и пронзительный взгляд Орловского в дыму, на секунду замеревшем на мне. И в этом взгляде не было ни капли страха. Только решимость.

Наконец, мы вывалились на крышу. Ночной ветер, холодный и свежий, ударил в лицо, смешиваясь с дымом и запахом крови. Хромов, тяжело дыша, оттащил меня к самому краю. Внизу зияла чёрная пустота многометровой высоты.

Виктор оглянулся. Пути к отступлению не было.

И тут из люка, как тень, возник Орловский. Высокий, широкоплечий. Он был один. С автоматом наперевес. Майор вышел на ровную часть крыши, его фигура казалась монолитной на фоне ночного неба.

Майор сбросил противогаз, и в свете луны я увидела его лицо — жёсткое, с резкими чертами и упрямым подбородком. И глаза. Серые, как сталь.

И моё сердце замерло, а потом забилось с бешеной силой. Это был Он. Тот самый мужчина из кофейни. Со стальными глазами и военной выправкой.

— Отпусти девушку, Хром! — голос Орловского был низким, властным, но в нём слышалась сталь. — Тебе некуда бежать.

Хром дико засмеялся, прижимая ствол к моему виску так, что кость заныла. Виктор, тяжело дыша, прижал меня спиной к парапету. Я чувствовала пустоту за спиной, холод металла проникал сквозь одежду.

— Орловский! Ты назойлив, как занюханный ресторанный критик! — бандит слегка толкнул меня назад, и каблуки скользнули по мокрому покрытию крыши. Я вскрикнула, почувствовав, как ноги впиваются в шаткое ограждение. — Но эту добычу я не отдам. Она моя! По праву! Её продали, и я её заберу! Сегодня или завтра – неважно! Или она уйдёт со мной, или ты получишь её, но только в виде пятна на асфальте!

Я видела лицо Орловского. Оно было каменным, но в его глазах, устремлённых на меня, читалось не просто сосредоточение, а что-то ещё. Узнавание? Удивление?

— Она не имеет отношения к твоим делам, — с ледяным спокойствием произнёс майор.

— Теперь имеет! Она свидетельница! – Хром дико засмеялся. – И моя добыча!

Виктор посмотрел на меня, и в его глазах я увидела не просто злость, а нечто большее – одержимость, собственнический блеск. Он не просто хотел спастись. Он хотел забрать меня с собой.

Орловский сделал ещё шаг.

— Не делай глупостей, — предупредил бандита майор. — Я даю тебе три секунды. Отпусти её.

— Отпустить? — зло выкрикнул Хром. — Ну, как скажешь, начальник.

И тогда случилось самое страшное. Виктор не выстрелил. Лицо Хрома исказилось гримасой ненависти. Он с силой оттолкнул меня от себя, прямо в пустоту за спиной.

Я не успела даже вскрикнуть. Чувство невесомости, паники, абсолютного ужаса. Падение длилось всего долю секунды, но показалось вечностью. Моя жизнь не пронеслась перед глазами. Был только леденящий душу страх и огни города, устремившиеся мне навстречу.

Глава шестая

Но падения не последовало. Я повисла. В метре от края крыши чья-то железная хватка вцепилась в мою руку. Боль, дикая, выворачивающая, пронзила плечо, чуть не выдернув его из сустава. Я зависла в воздухе, болтаясь, как марионетка, над бездной. Сердце бешено колотилось, пытаясь глотать воздух, которого не хватало.

Я подняла голову.

Надо мной лежал на животе, свесившись через край парапета крыши, он. Орловский. Я смотрела на лицо майора. Короткие волосы, влажные от дождя. Резкие, волевые черты. Прямой нос, упрямый подбородок, слегка покрытый тёмной щетиной. И глаза. Серые, как сталь перед выстрелом. В них не было ни страха, ни паники. Был лишь концентрация. Чистая, безраздельная воля.

— Держись, — коротко бросил Орловский.

Голос майора был низким и ровным, хотя я видела, как напряжены мышцы на его руках и шее.

Я попыталась ухватиться второй рукой за его рукав, но не могла. Мои пальцы скользили по мокрой ткани тактической формы. Внизу на многометровой глубине, мигали синие и красные огни машин. Головокружение накатило новой, тошнотворной волной. Я зажмурилась.

— Не смотри вниз. Смотри на меня, — приказал он.

Я заставила себя открыть глаза и встретиться со взглядом майора. В этих серых глазах была точка опоры в моём рушащемся мире.

— Сейчас я буду тянуть тебя на себя. Помогай, упирайся ногами в стену, если получится, — спокойно произнёс майор, и я коротко кивнула.

Он начал медленно, с нечеловеческим усилием, подтягивать меня. Каждый сантиметр давался с огромным трудом. Мокрый рукав моего пальто скользил в его захвате. Я почувствовала, как рука проскальзывает. Ужас сдавил горло.

— Не отпускайте... пожалуйста… — это был жалкий шёпот.

— Я не отпущу, — ответ майора прозвучал как клятва.

И я ему поверила.

Орловский изменил хватку, вцепившись мне в предплечье так, что его пальцы буквально впились в моё тело сквозь ткань. Новая волна боли, но на этот раз — спасительной. Майор снова потянул. Я отчаянно забила ногами по мокрой стене, пытаясь найти хоть какую-то опору. Наконец, мне удалось коленом зацепиться за какой-то выступ. Это помогло.

Ещё одно усилие, ещё — и я была на краю парапета.

Наконец, Орловский рывком схватил меня за пояс и буквально перебросил через ограждение. Мы оба рухнули на твёрдую поверхность крыши. Майор – на одно колено, я – в его руки, дрожащая, вся в слезах и в грязи.

Я не могла остановиться. Истерика, которую я сдерживала всё это время, вырвалась наружу. Я рыдала, вжавшись лицом в его грудь, в грубую ткань его тактической формы. Он пах порохом, потом и чем-то ещё, простым и мужским – холодным ветром и металлом.

Мир сузился до точки – до тяжёлой, влажной ткани под моим лицом, до глухого, ровного стука сердца под ней и до всепоглощающей дрожи, которая выворачивала меня изнутри. Я вцепилась в него, как тонущий в соломинку, боясь, что если разожму пальцы, то снова полечу в эту чёрную, холодную пустоту.

Орловский не отталкивал меня. Не утешал. Просто держал. Одна рука майора всё ещё сжимала моё плечо, словно проверяя, что я цела, а другая легла мне на спину, тяжёлая и успокаивающая. Его дыхание было ровным, лишь слегка участившимся.

— Всё. Тихо. Ты в безопасности, – голос майора прозвучал прямо над моим ухом, низкий и вибрирующий.

Его слова доносились сквозь грохот в ушах и собственные рыдания. Они не были мягкими. В них не было жалости. Это была констатация факта. Твёрдая как гранит. И в этом была такая сила, такая незыблемость, что моя истерика начала отступать, сменяясь истощением. Рыдания перешли в прерывистые всхлипы, а потом и в тихую дрожь.

Я оторвала лицо от его груди и осмелилась поднять на него взгляд. Так близко. Те самые стальные глаза, что смотрели на меня из-под капюшона тактического костюма. Те самые, что я помнила по кофейне. Сейчас они были прищурены, в их глубине бушевала буря – гнев, концентрация и что-то ещё, чего я не могла понять. На его виске струился ручеёк крови, смешиваясь с потом и пылью.

— Вы… — мой голос сорвался, осипший и чужой. — Вы заходили к нам в кофейню…

Уголок его рта дрогнул, но это не была улыбка. Скорее, короткое, стремительное признание.

— Алиса? — произнёс он, и от того, как он сказал моё имя – тихо, но с какой-то железной интонацией, по спине побежали мурашки.

Он знал. Знал моё имя.

Я лишь кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Орловский не отпускал меня, его взгляд скользнул по моему лицу, по порванной одежде, по синяку, уже проступавшему на запястье, где сжимала руку хватка Хрома.

— Алиса. Меня зовут Игорь. И ты в безопасности, — ровным голосом произнёс Орловский. — Ты не ранена?

Я снова потрясла головой, пытаясь собраться и понять хоть что-то о своём состоянии.

— Н-нет… Кажется…, — пролепетала я.

В этот момент на крышу ворвалась группа бойцов.

— Майор! Чисто!

— Хрома нет, ушёл на соседнюю кровлю.

— Девушка в шоке. Вызовите медиков. И доложите Царёву: заложница жива и невредима. Свидетельница. Её жизни угрожает непосредственная опасность. Хром знает её в лицо и считает своей собственностью. Прошу санкции на изоляцию и охрану на мне, — не отводя от меня взгляда, отдавал приказы майор, словно проверяя, как я их понимаю.

Его рука, всё ещё лежавшая на моей спине, казалась единственной реальной, незыблемой вещью в моём рушащемся мире. От майора исходило тепло. Запах — чистого мужского пота, пороха и чего-то ещё, простого и надёжного, как дым костра окутывал меня, заставляя поверить в спасение.

— Машина ждёт, — отрапортовал голос сбоку.

Игорь снова посмотрел на меня, поднимаясь.

— Идти сможешь? — спросил Орловский, и в его голосе прозвучала неподдельная тревога.

Я кивнула и попыталась встать, опираясь на руку майора. Мои ноги не слушались, и Игорь просто подхватил меня на руки как ребёнка. Я инстинктивно обвила шею майора, прижалась к его мощной груди, чувствуя, как бьётся его сердце — ровно и сильно. Оно стучало как метроном, возвращая меня к реальности.

Он понёс меня к выходу с крыши. Мимо нас, стремительно и бесшумно, сновали ещё также одетых в чёрное бойцов, преследуя сбежавшего Хрома. Но Игорь с ними не пошёл. Он нёс меня.

Я уткнулась в шею майора, чувствуя, как меня окутывает невероятное чувство защищённости. Но внутри всё ещё сжимал холодом страх. Потому что я поняла, что ничего не кончено.

Глава седьмая

Мы спустились по той же лестнице, но теперь она не казалась такой тёмной и страшной. В кабинете Хрома был полный разгром. Осколки, следы пуль, пятна крови на ковре. Люди в чёрной форме быстро и эффективно обыскивали помещение, кто-то говорил в рацию. Никакой полиции, как я поняла, здесь не было и не будет. Это была частная война. Война Царёва против Хрома.

— Старайся не смотреть по сторонам, — тихо шепнул майор, прижимая мою голову к себе.

Краем глаза успела заметить несколько убитых мордоворотов Хромова. От этой картины мне стало дурно, и я вжалась в шею своего спасителя, крепко зажмурившись.

Игорь пронёс меня через весь этот хаос не останавливаясь. Мы вышли в коридор, спустились на лифте и оказались у заднего выхода из клуба, выходящем в узкий, тёмный переулок. Там ждал неприметный чёрный внедорожник с затемнёнными стёклами.

— Игорь, — к нам подошёл ещё один человек, облачённый в военную форму. — Это свидетельница?

— Так точно, товарищ подполковник, — выдохнул Орловский.

— Давай без этого, — отмахнулся офицер. — Вези её в штаб. Медики прибудут осмотреть девушку. Потом мне нужны будут её показания.

— Яр, давай не сегодня? — нахмурился Игорь, покачав головой. — Ну какой ей сейчас допрос? Посмотри, она в шоке и вся дрожит.

Тот, кого Игорь назвал Яром, открыл пассажирскую дверь внедорожника. Орловский опустил меня на сидение, пристегнул ремнём. Я всё ещё дрожала, испытывая невероятное нервное напряжение. Майор достал с заднего сидения тёплый плед и накрыл меня.

Перед тем как закрыть дверь, он наклонился ко мне. Его лицо было совсем близко. Капли дождя блестели в ёжике волос при свете одинокого фонаря.

— Алиса. Всё кончилось. Сейчас я отвезу тебя в безопасное место.

— Я могу всё рассказать, — тихо сказала я сорвавшимся на тихий шелест голосом.

— Уверена? — приподнял бровь Игорь, с тревогой вглядываясь в меня.

Я только молча кивнула.

— Ну вот и отлично, — удовлетворённо кивнул второй офицер. — Вези её в штаб, мы тут сами закончим.

— Царь, наверное, в ярости, что операция провалилась? — хмуро произнёс Игорь.

— Не то слово, — отозвался Яр и раздражённо махнул рукой. — Поезжай уже.

— Увидимся, позже, — махнул рукой сослуживцу Игорь и закрыл мою дверь.

Обошёл вокруг машины, сел за руль. Двигатель завёлся с тихим урчанием. Мы тронулись, выезжая из переулка на освещённую улицу. Я смотрела в боковое окно на проносящийся мимо город.

Я была спасена. Но я понимала, глядя на напряжённое отражение майора в боковом окне, что слова Хрома: «Я её заберу!» — были не просто угрозой. Это было обещание. И моё спасение, возможно, теперь зависит только от майора Орловского.

Чёрный внедорожник мчался по ночному городу, резко меняя полосы и сворачивая в неосвещённые переулки. Игорь, сидевший за рулём, был молчалив и сосредоточен, его профиль в свете фонарей казался высеченным из гранита. Я сидела на пассажирском сиденье, закутавшись в плед, ощущая расползающийся холод от промокшей одежды. От пледа пахло хозяином автомобиля – металлом, ветром и чем-то неуловимо безопасным.

Моё тело дрожало, мелкой, неконтролируемой дрожью. Я старалась дышать глубже, чтобы не расплакаться снова. В ушах всё ещё стоял грохот выстрелов, хруст двери и леденящий

душу шёпот Хрома. Чувствовала на своей коже прикосновения бандита, словно он оставил на мне невидимые, ядовитые следы.

«Он считает меня своей собственностью», — эти слова крутились в голове, как приговор.

— Что теперь будет? — с тревогой прошептала я, поворачиваясь к Игорю.

Орловский сжал руль так, что костяшки побелели.

— Всё будет хорошо, Алиса, — тихо ответил майор.

— Он… Виктор… сказал, что заберёт меня всё равно, — всхлипнула я.

— Я этого не позволю, — произнёс Игорь и легонько коснулся моей руки сквозь наброшенный на меня плед. — Обещаю.

От слов майора стало немного легче. Почему-то я поверила словам Игоря, сразу и безоговорочно. Просто поверила, что он и правда сможет меня защитить.

Мы въехали на территорию какого-то промздания, ворота бесшумно открылись и также бесшумно закрылись за нами. Высокий ангар, тусклый свет, несколько таких же чёрных автомобилей. Игорь выключил двигатель, повернулся ко мне. Его взгляд был пристальным, анализирующим.

— Сможешь идти? — спросил он, и его голос, низкий и ровный, врезался в тишину салона.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. Майор вышел, обошёл машину и открыл мне дверь. Его рука, сильная и уверенная, взяла мою, помогая выбраться. Мои ноги всё ещё были ватными, и я на мгновение замерла, опираясь на него. Орловский не торопил.

— Где мы? — прошептала я озираясь.

— В безопасности. Это наша база. Сюда Хром не сунется.

Игорь повёл меня к неприметной двери. Внутри оказался не ангар, а современное, просторное помещение. Внутри стояли столы с компьютерами, сновали люди в форме.

Пахло металлом и свежесваренным кофе. Мы прошли вглубь помещения, и Игорь открыл одну из дверей, расположенных вдоль стены. Это было что-то вроде небольшого медпункта. Навстречу нам поднялся мужчина в очках и белом халате поверх обычного костюма.

— Алиса, это наш врач, Игнат, — представил Игорь. — Ему можно доверять. Он тебя осмотрит.

— Я… я не ранена, — пробормотала я, инстинктивно отступая на шаг и упираясь спиной в Игоря.

Мысль, что сейчас придётся снять одежду, дать кому-то дотрагиваться до себя, вызывали приступ тошноты.

Игнат, человек лет тридцати пяти с умными, усталыми глазами и весьма внушительной широкоплечей фигурой, уловил мою панику.

— Алиса, я понимаю твою тревогу, — спокойно произнёс Игнат, оставаясь на месте. — Мы просто проверим, всё ли в порядке. Никаких лишних манипуляций. Только осмотр. Ты в полной безопасности.

Доктор говорил так, словно гипнотизировал, и часть напряжения понемногу ушла. Я посмотрела на Игоря, ища подтверждения. Он коротко кивнул.

— Я буду рядом.

Следом за нами в комнате появилась девушка в белом халате. Она слегка кивнула Игорю и направилась к столику с медикаментами.

Меня проводили за ширму, где стояла кушетка.

Игнат действовал быстро и аккуратно. Он измерил давление, посветил в глаза фонариком, осмотрел ссадины на руках и запястьях, следы от пальцев Хрома на шее. Его прикосновения были аккуратными и профессиональными, и я мысленно благодарила его за это. Пока его ассистентка обрабатывала царапины, Игнат спросил тихо, только для меня:

— Нужно ли гинекологическое освидетельствование?

Я резко покачала головой, чувствуя, как горит лицо.

— Нет. Он не… не успел.

Врач кивнул, ничего не комментируя, и сделал пометку в планшете. Игнат попросил меня раздеться до белья, и я, поколебавшись, согласилась. Стыд уступал место животному страху, что на моём теле могут быть скрытые повреждения, следы пережитого кошмара.

Игнат бегло осмотрел спину, бёдра, констатировал несколько синяков и царапин.

— Всё в порядке, учитывая обстоятельства. Лёгкий шок, испуг. Нужен покой, — сказал он, позволяя мне снова надеть одежду. Его помощница в это время готовила укол. Я замерла.

— Это лёгкое седативное, — пояснил Игнат. — Поможет успокоиться.

Я снова посмотрела на Игоря, который стоял у входа за ширмой, отвернувшись, но явно контролируя ситуацию. Орловский снова кивнул. Закрыла глаза и почувствовала лёгкий укол. Через несколько минут дрожь в руках начала утихать, а тяжёлый ком страха в груди понемногу рассасывался.

Когда осмотр закончился, Игорь подошёл ко мне. Я сидела на кушетке, и он присел на корточки передо мной. Близость майора не пугала, а, наоборот, успокаивала.

— Нужно рассказать всё, что произошло. С самого начала, — сказал Игорь тихо. — Это очень важно.

И я рассказала. Сбивчиво, перескакивая с одного на другое, поведала майору о Ксюше, слезах подруги, о просьбе отнести письмо, о своём глупом чувстве долга перед подругой. Я рассказала, как оказалась в клубе, об охране, о кабинете Хрома. О том, как Хромов назвал меня Ксюшей, о фотографии… На этом месте голос снова предательски задрожал.

— Виктор показал мне мою же фотографию из соцсетей. Ксюша… она подсунула ему моё фото. Она знала. Она знала, за кого он меня примет, — выдохнула я, и слёзы снова потекли по щекам.

Предательство жгло изнутри больнее, чем синяки.

Игорь слушал не перебивая. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах я видела жёсткую концентрацию. Когда я закончила, он несколько секунд молчал.

— Мы охотились за Хромом несколько месяцев, — начал он, и его голос приобрёл стальные нотки. — Он ушёл в тень, стал осторожен. Информация о сделке с Ниверовым стала для нас полной неожиданностью. Мы вышли на неё слишком поздно, буквально за час до твоего визита. Не успели предотвратить.

Орловский посмотрел прямо на меня, и в его взгляде не было ни капли снисхождения или мягкости. Только суровая реальность.

— Алиса, ты стала случайным свидетелем. Но для таких, как Хром, это не имеет значения. Ты видела его лицо, ты слышала его слова. Ты знаешь о его договорённостях с Ниверовым. И теперь, — он сделал небольшую паузу, давая мне осознать его слова, — ты стала мишенью. Он не оставит тебя в покое. Он сказал: «всё равно заберу». Для таких людей, как Хром это не пустые слова. Это больше, чем обещание.

Его слова повисли в воздухе, холодные и тяжёлые. Я поняла, что моя прежняя жизнь – лекции, кофейня, общежитие – закончилась в тот момент, когда я взяла в руки тот злополучный конверт.

— И что мне теперь делать? — прошептала я, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Глава восьмая

Игорь внимательно посмотрел на меня, будто подбирая слова для ответа.

— Мы тебя спрячем. А я буду тебя охранять, — ответил Игорь, и в его голосе прозвучала железная уверенность. — Пока мы не обезвредим Хрома.

— Но у меня работа, учёба, — испуганно подняла я взгляд на Орловского.

— Это не вопрос выбора. Это необходимость, — отрезал майор. — Твоя жизнь под угрозой. Мне кажется, ради этого можно ненадолго пожертвовать и работой, и учёбой.

От этой простой и страшной фразы внутри всё оборвалось. Сердце подскочило к горлу и забилось с утроенной силой.

Работа, учёба, планы — всё это мгновенно рассыпалось в прах, унесённый ледяным ветром с проклятой крыши. Я попыталась вообразить, как завтра не пойду на лекцию по фармакологии, не буду готовить утренний латте для уставших прохожих, не услышу звонкий смех Нади из кофейни.

Но это невозможно. Образы не складывались в цельную картину, словно кто-то вырвал страницы из книги моей жизни.

— Но я ведь не Ксюша, — прошептала я, отчаянно цепляясь за призрачную соломинку собственной невиновности. — Я обычная студентка. И не имею отношения к брату подруги.

— Для Хрома это уже не имеет значения, — жёстко отрезал Игорь. — Ты его добыча и я забрал тебя. Он в любом случае будет охотиться за тобой. Даже если к нему придёт сама Ксюша. Так что поехали. Тебя нужно спрятать.

Игорь поднялся и протянул мне руку. Я посмотрела на его широкую ладонь, покрытую мозолями, которая удержала меня на краю бездны.

И в этот момент вата, в которую было завёрнуто моё сознание после укола, порвалась. Всё, что случилось — грубые руки Хрома, дыхание бандита, пахнущее коньяком, холод дула у виска, безжалостный толчок в пустоту, предательство Ксюши, — всё это нахлынуло разом, сдавив горло ледяным обручем.

Истерика подкралась внезапно. Сначала это был просто прерывистый вздох, потом — судорожная дрожь. А потом слёзы хлынули рекой, беззвучные и обжигающие. Я обхватила себя руками, пытаясь удержать рассыпающиеся на части осколки собственного «я», но не смогла. Громкое, душераздирающее рыдание вырвалось из груди, эхом отразившись от голых стен.

— Нет… не надо…,— судорожно всхлипнула я. — Я хочу… домой. Отвезите меня в общежитие. Ксюша… она знала… — захлёбывалась словами я, слёзы текли по лицу, солёные и бесконечные. — Он… он хотел… а я чуть не упала… Я чуть не умерла!

Я уже не видела комнаты, не видела Игоря. Перед глазами снова был парапет крыши и пустота под ним, расцвеченная мигалками спецсигналов машин.

Сильные руки подхватили меня, когда ноги окончательно подкосились. Игорь не стал утешать, не прижимал к груди. Он просто поднял меня на руки, как тогда, на крыше, и коротким, властным приказом прошипел сквозь мой плач:

— Всё. Хватит. Ты жива. Ты здесь. Дыши, Алиса. Дыши со мной.

Орловский уложил меня на кушетку. Я билась в истерике, не в силах остановиться, моё тело выгибалось, будто пытаясь выплюнуть наружу весь пережитый ужас.

— Отстаньте от меня! Все отстаньте! — мои крики стали громче, истерика, которую я тщетно пыталась задавить, вырвалась на свободу.

— Игнат! — резко крикнул Игорь в сторону двери.

Через минуту в комнате возник тот самый широкоплечий доктор. Он выглядел спокойным и собранным, будто ждал за дверью.

— Я знал, что накроет, — безразличным тоном констатировал он, набирая в шприц прозрачную жидкость. — Шок. Посттравматика. Дай волю — всю ночь проплачет.

— Нет, только не укол, — вырвалось у меня, и голос снова предательски задрожал. — Я… я в порядке.

— Ты не в порядке, Алиса, — спокойно, но непреклонно сказал врач. — У тебя до сих пор шоковое состояние. Давление скачет, тремор. Ты не отдохнёшь, просто не уснёшь без помощи. Это сейчас тебе просто необходимо.

Я посмотрела на Игоря, ища защиты, но он, лишь коротко кивнул Игнату. Паника, едва утихшая, накатила с новой, удушающей силой.

Орловский нависал надо мной, удерживая на поверхности кушетки. Лицо майора было напряжённой маской. Игорь смотрел, как Игнат ловким движением находит вену на моей дрожащей руке и вводит препарат. Я почти не почувствовала укола — боль отчаяния была сильнее.

— Что это? — с трудом выдавила я, чувствуя, как по телу разливается странная, тяжёлая теплота.

— Это чтобы поспать, — коротко ответил Игнат. — И чтобы тебе не снились кошмары.

Эффект был мгновенным. Крики застряли в горле. Мир поплыл, краски смешались, звуки стали глухими и далёкими. Истерика отступила, сменившись всепоглощающей, свинцовой усталостью. Моё тело обмякло. Сквозь накатывающие волны забытья я почувствовала, как чья-то рука — твёрдая, тёплая — касается моего лба, отодвигая мокрые от слёз волосы.

Голос Игоря донёсся до меня, как сквозь толщу воды:

— Спи. Я здесь. Я буду тебя охранять.

Не приказ, не формальная фраза телохранителя. А обещание. Единственная ниточка, связывающая меня с реальностью.

Почувствовала, как Игорь подхватил меня на руки, легко, как пушинку. Он долго нёс меня куда-то, перекинувшись парой фраз с кем-то по дороге. Отдавал какие-то распоряжения.

Я не помню, как мы выехали с территории базы. Не помню, как мигали за окном фонари. Глаза слипались сами собой, а голова тяжело падала на подголовник. Последнее, что я ощутила перед тем, как провалиться в чёрную, бездонную яму забытья, — это его твёрдую, уверенную руку, поправляющую плед, сползший с моего плеча.

Глава девятая

Пришла в себя от лёгкого покачивания. Мы ехали. Я лежала на заднем сиденье того же чёрного внедорожника, укрытая всё тем же пледом. В голове царил тяжёлый, ватный туман, но прежней паники не было. Только глубокая, всепоглощающая усталость, будто меня вывернули наизнанку и выжали досуха.

Поймала взгляд Игоря в зеркале заднего вида. Он следил за дорогой, но внимание майора было приковано и ко мне.

— Проснулась? — его голос прозвучал приглушённо, не нарушая тишины салона.

Я кивнула, пытаясь осмотреться. За окном проплывали тёмные силуэты деревьев, мелькали одинокие огоньки загородных домов. Мы уезжали всё дальше от города и того ада, что произошёл сегодня со мной.

Во рту стояла нестерпимая сухость, и мне ужасно хотелось пить.

— Куда мы едем? — хрипло спросила я, не узнавая своего голоса.

— Скоро будем на месте, — сообщил Орловский. — Дача моего приятеля. Там безопасно. Воды?

Я лишь кивнула, понимая, что не смогу больше произнести ни слова. Игорь моментально подхватил бутылку с водой из подстаканника и, сорвав крышку с замка, протянул мне между сиденьями.

Вцепилась в живительную ёмкость и, отвернув крышечку, одним махом, выпила больше половины.

— Спасибо, — прошептала я, бессильно откидываясь на куртку майора, лежащую под головой.

От импровизированной подушки исходил запах Орловского, смешанный с запахом ветра и металла.

— Поспи ещё, недолго осталось, — ответил Игорь, внимательно вглядываясь в дорогу.

Я снова кивнула и закрыла глаза, позволяя укачивающему движению машины и остаткам препарата, унести меня прочь от тревожащих мыслей.

Через некоторое время мы свернули на грунтовую дорогу, и вскоре внедорожник остановился. Орловский заглушил двигатель. Тишина, наступившая снаружи, была оглушительной.

— Приехали, — сказал Игорь, выходя из машины.

Я с трудом поднялась с сиденья. Орловский открыл пассажирскую дверь и помог мне выйти. Рука майора под локтем была твёрдой опорой. Перед нами в лунном свете вырисовывался одноэтажный деревянный дом с большой верандой. Никаких соседей, только лес и тишина.

Игорь провёл меня внутрь, включив свет. Дом был просторным и уютным. Пахло деревом и слегка пылью, как в местах, где бывают нечасто.

— Здесь есть всё необходимое, — сказал Игорь, показывая мне на дверь в конце коридора. — Ванная там. Можешь принять душ. Я принесу вещи.

Я молча кивнула и зашла в ванную, закрыв за собой дверь. Оказавшись одна, прислонилась к прохладной поверхности двери и сделала несколько глубоких вдохов. Только сейчас я осмелилась раздеться.

Сняла запачканную, влажную после дождя одежду. Из зеркала на меня смотрела незнакомая бледная девушка с огромными испуганными глазами и синяками на плечах и запястьях.

Я смотрела на своё запястье — там уже проступил тёмный синяк, отпечаток пальцев бандита. А рядом – красная полоса от хватки Орловского.

Две метки. Одна – от того, кто хотел меня уничтожить. Другая – от того, кто не дал мне упасть.

Я быстро отвернулась от своего отражения и, забравшись в ванную, включила воду погорячее. Скоро пар заполнил всё пространство помещения. Стоя под почти обжигающими струями, я мылась с яростью и отчаянием.

Пыталась смыть с себя прикосновения Хрома, запах бандита, казалось, въевшийся там, где он меня касался, ощущение пустоты под ногами. Слёзы снова текли по лицу, смешиваясь с водой, но это были уже не истерические рыдания, а тихие, горькие слёзы потери прежней жизни и страха перед будущим.

Когда кожа стала красной и я почти физически почувствовала чистоту, я выключила воду и вышла из душа. Завернулась в большое, мягкое полотенце. В одном пушистом куске ткани и с мокрыми волосами я почувствовала себя уязвимой до крайности.

Все попытки взять себя в руки испарились, стоило вспомнить, что за дверью находится мужчина.

Чужой, опасный, но спасший мне жизнь.

Моя одежда пахла дымом и потом, и надевать её обратно было противно. В этот момент в дверь постучали.

— Алиса? Вещи. Оставлю у двери, — приглушённо донёсся голос Игоря из-за дверного полотна.

Я приоткрыла дверь, забрала аккуратно сложенную стопку одежды, оставленную на табуретке, и снова закрылась. Это были простые, мужские вещи: мягкие спортивные штаны серого цвета и тёмная футболка.

Натянула их на себя. Ткань была грубой, но чистой. Футболка болталась на мне, как мешок, запах свежего стирального порошка смешивался с едва уловимым мужским шлейфом. Это был запах майора. Тот самый, что я почувствовала, когда Игорь держал меня на крыше. Я закатала штанины, завернувшись в запах Игоря, как в кокон. И снова меня будто накрыло ощущением безопасности.

Сделав глубокий вдох, я вышла в большую кухню-гостиную. Орловский стоял у плиты и наливал кипяток в две кружки. Мышцы спины майора двигались под натянутой тканью простой тёмной футболки. Я застыла, заворожённо наблюдая за своим спасителем.

Игорь бросил на меня взгляд, и я смутилась, чувствуя резко вспыхнувший жар на щеках. Глаза Орловского на секунду скользнули по мне, моим ногам, торчащим из-под слишком длинных штанин, плечам, теряющимся в ткани его футболки. Во взгляде майора не было ни намёка на пошлость, лишь быстрая оценка обстановки. Но мне от этого стало только жарче.

— Спасибо за одежду, — прошептала я, опуская глаза в пол.

— Не за что, — коротко ответил Орловский и подвинул ко мне одну из кружек. — Чай. С сахаром. Вам сейчас нужно.

Орловский подчёркнуто перешёл на «вы», будто строя между нами стену. Обозначая, что я его подопечная. Его работа. Объект охраны. Это осознание неприятно кольнуло под рёбрами. Я села за стол, взяла тёплую кружку и сделала маленький глоток.

Сладкий, обжигающий напиток разлился по телу, согревая изнутри. Я смотрела на Игоря, сурового, молчаливого мужчину, который спас мне жизнь, а теперь сидел напротив, в простой футболке, обычных спортивных штанах, и пил чай. Майор спецназа. Мой страж и спаситель.

— Что будет дальше? — спросила я, нарушая молчание.

— Ложитесь отдыхать. Вам нужно прийти в себя, Алиса, — просто ответил Игорь, кивая в сторону смежной комнаты. — За той дверью спальня.

— А вы?

— Я буду дежурить, — пожал плечами майор.

— Но вам тоже надо отдохнуть, — нахмурилась я.

Игорь посмотрел на меня. Его стальные глаза в спокойной обстановке дома казались другими — такими же пронзительными, но без суровой готовности к бою. В них читалась усталость.

— Я отдохну, не переживайте, — усмехнулся Орловский. — Здесь вполне комфортный диван.

Я кивнула и побрела в указанную комнату. Это была небольшая, но уютная спальня с деревянной кроватью. На пороге я обернулась:

— Игорь? — тихо позвала я, сама не зная, что хочу сказать.

— Да? — повернул майор голову.

— Спасибо. За то, что не отпустил.

Орловский не ответил. Просто кивнул. Но в приглушённом свете я увидела, как уголок его губ дрогнул в подобии улыбки.

Я погасила свет, забралась под одеяло и уткнулась лицом в подушку и, наконец, погрузилась в тяжёлый, беспокойный сон.

Глава десятая

Лицо Хрома передо мной. Горячий шёпот бандита, угрожающий забрать меня, а потом снова ощущение толчка и падения.

Я вскрикнула и села на кровати, обхватив себя руками. Сердце бешено колотилось в груди, готовое вот-вот вырваться. Постаралась дышать глубже, но ледяная рука страха сковала горло, и вдохи получались тяжёлые и рваные.

Дверь приоткрылась. На пороге стоял Орловский.

— Алиса?

— Мне… мне приснилось, — выдавила я, чувствуя себя идиоткой.

Он вошёл в комнату, но остановился у стены, скрестив руки на груди.

— Это нормально. Посттравматическая реакция. Пройдёт.

— Да, я знаю, — в моём голосе прозвучала истерическая нотка.

— Пока нужно просто это пережить. День за днём. Всё придёт в норму, — тихо ответил Орловский.

— Знаю, — тихо ответила я. — Так глупо и парадоксально. Мы проходили это на лекциях. Но я никогда не думала, что сама могу угодить в подобную ситуацию. Вела вчера себя, как… последняя истеричка.

— Ты хорошо держалась, — Игорь неосознанно перешёл на «ты» и тут же поправился: — Не многие в вашем состоянии вообще смогли бы что-то рассказать.

— Наверное, это генетика, — с грустью усмехнулась я. — Мой папа военный, мама — врач. Они никогда не паникуют в сложных ситуациях.

— Тогда они воспитали прекрасную, сильную дочь, — произнёс Орловский.

Мы помолчали. В тишине было слышно наше дыхание. Моё – прерывистое и сиплое, и майора – ровное и спокойное.

— А вы не боитесь? Когда происходит такое… Пальба… Кровь… Преступники… Совсем-совсем никогда? — спросила я, глядя на силуэт майора в полумраке.

Тишина после моего вопроса повисла в воздухе густая и звенящая. Игорь не ответил сразу. Лишь силуэт майора в дверном проёме, казалось, стал ещё неподвижнее. Я уже подумала, что Орловский просто проигнорирует мой наивный, дурацкий вопрос, но майор медленно прошёлся рукой по коротко стриженным волосам.

— Страх — это нормально, Алиса, — голос Игоря прозвучал приглушённо, но будто заполняя собой всю комнату. — Но страх также является инструментом. Он заставляет сердце биться чаще, разгоняет адреналин по венам, а ум делает острее. Если ты дашь страху волю, он тебя парализует. Если приручишь — сделает сильнее. Я не могу позволить себе не бояться. Я могу лишь заставить страх работать на себя.

Орловский сделал шаг вперёд, и лунный свет, пробивавшийся сквозь щель в шторах, выхватил резкие, уставшие, но решительные черты лица майора.

— А вчера? На крыше? — не унималась я, жадно ловя каждое его слово.

Мне нужно было понять. Понять его, того, кто не дрогнул, когда мир вокруг рушился в огне и хаосе.

Игорь усмехнулся, коротко и беззвучно.

— На крыше было проще. Была задача. Спасти тебя. Остановить Хрома. Когда есть чёткая цель, страху не остаётся места. Есть только действие.

— И вы бросились спасать меня, хотя вашей главной задачей была поимка Хрома? — зачем-то спросила я.

Орловский нахмурился, его взгляд стал тяжёлым, пронзительным.

— Моей задачей была нейтрализация угрозы. Ты была заложницей. Тебя надо было спасти, — Орловский помолчал, и в тишине я услышала, как сгущается воздух. — И да. Даже если бы приказ был другим, я бы всё равно бросился за тобой. Такова моя работа.

В его словах прозвучала сталь, но что-то ещё, спрятанное глубоко внутри, заставило моё сердце сделать неровный, предательский толчок. Я потянула одеяло выше, к подбородку, внезапно осознав, как сильно я дрожу. И дело было не только в кошмаре.

— Не могу уснуть, — прошептала я, и это прозвучало как признание. — Боюсь, что он снова придёт. Во сне.

Игорь молча смотрел на меня несколько секунд, будто взвешивая что-то. Потом, приняв решение, подошёл к кровати и опустился на корточки рядом, так близко, что я почувствовала исходящее от майора тепло и слабый запах мыла и кожи.

— Он не придёт, — сказал Орловский твёрдо, и его голос приобрёл новые, бархатные нотки. — Потому что я здесь. Пока я здесь, с тобой ничего не случится. Никто не посмеет к тебе даже приблизиться.

От слов Игоря по телу разлилась странная, умиротворяющая теплота, сменившая леденящий ужас. Я смотрела на лицо майора, так близко к моему. На упрямый подбородок, на губы, плотно сжатые в твёрдую линию, на эти пронзительные серые глаза, которые в полумраке казались бездонными.

— Игорь? — снова позвала я, будто пробуя его имя на вкус.

— Да, Алиса?

— А зачем вы… — я сглотнула, внезапно смутившись, но любопытство и потребность отвлечься от ужаса были сильнее. — Зачем вы каждый день заходили в нашу кофейню?

Игорь вздохнул, и в темноте этот звук показался мне невероятно интимным.

— Оперативная необходимость. Мы вели наблюдение за «Энигмой» и подозревали, что Хром использует одно из близлежащих помещений для отмыва денег. Ваша кофейня имела удачный ракурс для наблюдения за одним из таких объектов. А постоянный клиент — лучшая маскировка.

«Оперативная необходимость». От этих сухих, казённых слов в груди что-то неприятно кольнуло. Так глупо. Так по-девичьи. А чего я ждала? Что он скажет, что не мог пройти мимо и ему нравилось смотреть, как я варю кофе?

— Понятно, — прошептала я, отводя взгляд в сторону.

«А Надя думала, что я ему нравлюсь. Какая наивность», — с разочарованием подумала я, закрывая глаза и пытаясь уснуть под мерное дыхание Игоря рядом.

Близость мужчины будоражила и вызывала странное ощущение томления в животе. Но я постаралась расслабиться и не думать об этом. Невесомое прикосновение пальцев Орловского к моему лицу заставило меня замереть.

— Спи, Алиса, — хрипло произнёс Игорь, осторожно убирая прядь волос с моего лица.

Я внезапно открыла глаза и встретилась с майором взглядом. Его лицо оказалось так близко, что я могла разглядеть тени от ресниц на его щеках и почувствовать его тёплое, ровное дыхание. Воздух вокруг был пропитан его запахом. Только его.

Мир сузился до крошечного пространства между нашими губами.

Инстинкт, древний и властный, призывал меня поддаться, закрыть глаза и ожидать. Ожидать поцелуя, который ощущался в каждом сантиметре напряжённого воздуха между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.